Радбиль Т. Б. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect. *Nauchnyi dialog*, 1: 63-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37+81'27

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ КОРОНАВИРУСА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ¹

© Радбиль Тимур Беньюминович (2021), orcid.org/0000-0002-7516-6705, WoS ResearcherID AAO-6983-2020, Scopus AuthorID 57210390493, РИНЦ AuthorID 417850, SPIN 2835-0370, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), timur@radbil.ru.

© Рацибурская Лариса Викторовна (2021), orcid.org/0000-0002-9332-050X, WoS ResearcherID Q-3621-2019, Scopus AuthorID: 57204359476, РИНЦ AuthorID 179701, SPIN 7032-5608, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Институт филологии и журналистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), racib@yandex.ru.

© Палоши Ильдико Вероника (2021), orcid.org/0000-0002-8943-8695, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, историко-филологический факультет, Университет им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия), palosiildiko@gmail.com.

Исследуются семантические, лексические и словообразовательные особенности возникновения и распространения новых явлений в речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с пандемией COVID-19. Предлагается лингвокогнитивная интерпретация активных процессов в русской лексике и русском словообразовании эпохи коронавируса как форматов знания об изменившейся действительности и связанных с этими изменениями новых условий коммуникации. Используются методы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике» (2020—2021).

лингвкогнитивного описания «языка культуры» и методика анализа активных процессов на разных уровнях языковой системы и способов ее речевой реализации. Материалами исследования являются текстовые данные русскоязычного сегмента интернет-коммуникации, современных российских средств массовой информации и Национального корпуса русского языка. Особое внимание уделяется трем группам новых явлений в лексике русского языка, связанной с ментальным и культурным освоением «коронавирусного» концептуального пространства носителями языка: лексико-семантические, собственно лексические и лексико-словообразовательные инновации. Показано, что активные процессы семантического типа находят свое выражение в явлениях «новой полисемии» и «новой омонимии», а также неузального семантического сужения. Делаются выводы о том, что новые слова и выражения не только фиксируют появление новых реалий жизни при коронавирусе, но и способствуют осмыслению изменившейся социальной реальности.

Ключевые слова: активные процессы; лексико-семантические инновации; неолексемы; неодериваты; лингвкогнитивный анализ; русский язык; COVID-19.

1. Введение: к постановке проблемы

В статье представлен новый этап многолетнего исследования активных процессов в современном русском языке [Русский язык ..., 2014; Радбиль и др., 2017], который отражает изменения в русской речи новейшего периода, связанные с особенностями речевой практики носителей русского языка в условиях пандемии COVID-19.

Мир, в котором мы внезапно очутились почти год назад, меняется день за днем. И наш язык меняется практически так же быстро. Очевидно, что проблема интерпретации и оценки новых явлений в современном русском языке как отражения определенных когнитивных, культурных и коммуникативных приоритетов современного общественного сознания представляется чрезвычайно актуальной. Особенно своевременным видится изучение этой проблемы в контексте новой реальности, с которой сталкивается мировое сообщество. Лингвистическое осмысление данной реальности уже активно осуществляется в русистике, причем на материале разных языков, например, английского языка [Данкова и др., 2020], белорусского, польского и немецкого [Мюллер, 2020], русского и китайского [Савченко и др., 2020] в сопоставительном освещении и др. Широко представлены работы, посвященные «коронавирусным» явлениям языка в дискурсах разного типа — в политическом дискурсе [Киреева, 2020], в медийном дискурсе [Кронгауз, 2020], в интернет-коммуникации [Лассан и др., 2020]. Начаты исследования этого языкового материала в области лексикографии [Северская, 2020] и социолингвистики [Зайцева, 2020].

Однако при всем значительном объеме и существенном качественном разнообразии языкового материала, который уже успели собрать и проанализировать лингвисты, ряд концептуальных вопросов эвристического характера, на наш взгляд, остался непроясненным. Лингвистическое осмысление новой

реальности в науке о языке будет неполным без учета того, как означенное осмысление новой реальности осуществляет сам язык, точнее, люди, говорящие на языке. В свое время А. Д. Шмелев пронизательно заметил, что «самые важные изменения в современной русской речи связаны с изменениями закодированной в языке концептуализации мира» [Шмелев, 2011, с. 93]. Сегодня, буквально на наших глазах, русское языковое сознание и связанные с ним речевые практики людей обогатились словами и выражениями, за которыми явно стоят ранее неизвестные форматы знаний об изменившейся реальности, когнитивные модели и концепции, а также психологические паттерны словесных реакций на чреватую опасностями окружающую среду. Все это перемещает проблему фиксации и интерпретации новообразований в русском языке новейшего периода в плоскость лингвокогнитивного описания.

2. Методология и методика изучения активных процессов в русском языке эпохи COVID-19

Настоящее исследование основано на теоретических принципах интегрального описания активных процессов в разных языках мира в целом (в основном в аспекте действия тенденций глобализации и интернационализации [Fairclough, 2006]), в том числе в славянских языках [Коряковцева, 2018], и в русском языке, в частности [Русский язык ..., 2014]. Избранный подход к исследованию представляет собой органическое взаимодействие методологии концептуального анализа «языка культуры» [Радбиль и др., 2019; Радбиль и др., 2019], коммуникативно-прагматического анализа речевых стратегий [Иссерс, 2020] и когнитивно-дискурсивного анализа [Bloor, 2007] (в том числе девиаций в интернет-коммуникации [Негрышев, 2020]).

Цель исследования — лингвокогнитивный анализ семантических, лексических и словообразовательных особенностей активных процессов в речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с пандемией COVID-19.

Материалами исследования являются динамичный и активно развивающийся русскоязычный сегмент интернет-коммуникации, отечественные медийные тексты и данные Национального корпуса русского языка.

Специфика решаемой в настоящей статье проблемы потребовала использования уже давно разрабатываемого авторами комплексного метода анализа и интерпретации новых явлений в русском языке новейшего периода, который включает: методику лингвокогнитивного анализа языковых инноваций на лексическом и словообразовательном уровнях, апробированную в работе [Радбиль, 2019]; методику структурно-семантического и функционального анализа неолексем и неодериватов русского языка но-

вейшего периода, представленную в работах [Радбиль и др., 2017; Палоси, 2018; Николина и др., 2020 и др.].

Активные процессы в русском языке воплощаются на всех его уровнях (фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис). В данной статье авторы подробно рассматривают новые явления только в области лексики и словообразования. Мы условно выделяем следующие группы новых явлений, памятуя о том, что реально процессы, происходящие на разных уровнях языка, взаимосвязаны и представляют собой зону синкретизма. Это лексико-семантические, собственно лексические и лексико-словообразовательные инновации.

Под *лексико-семантическими* инновациями понимаются семантические преобразования уже существующих в языке лексем в результате метафоризации и метонимизации, сужения и расширения значения, актуализации новых значений, возникновения «новой омонимии» и т. д. Под *собственно лексическими* процессами понимаются явления прямого заимствования иностранных лексем с их последующей лексической адаптацией и грамматическим оформлением по законам русского языка. Под *лексико-словообразовательными* процессами понимаются явления вхождения неолексем в русские модели узуального или окказионального словообразования, а также использования деривационных механизмов для создания неодериватов. Далее в работе представлены основные результаты исследования.

3. Лексико-семантические инновации в русском языке новейшего периода

Как уже было сказано выше, лексико-семантические инновации заключаются в том, что исконные или заимствованные в предыдущие периоды развития языка лексемы приобретают новые значения и коннотации и / или расширяют сферу употребления за счет контекстов, в которых ранее они были невозможны. В таких случаях мы условно можем говорить о явлениях «новой полисемии» и «новой омонимии».

Явления «новой полисемии» можно показать на примере такой инновации, которой является семантический сдвиг в современном употреблении лексемы **самоизоляция**. Подробный анализ семантических преобразований лексемы **самоизоляция** дан в работе одного из авторов [Радбиль, 2020, с. 759—774]. Здесь мы коснемся лишь интересующего нас в данном исследовании лингвокогнитивного аспекта проблемы.

Итак, лексема **самоизоляция**, пусть и не отражаясь в основных русских толковых словарях, все же присутствовала в русской речи как минимум начиная с 1930—1940-х годов, о чем свидетельствуют данные Националь-

ного корпуса русского языка (далее — НКРЯ): *Как-то раз, в августе, когда я «сидел» уже много месяцев совсем один, был болен, не ходил на прогулки и почти весь день лежал (по предписанию врача) — пришло мне от скуки в голову испытать, как проведу я ровно неделю добровольной самоизоляции* (Р. В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки, 1934—1944) [НКРЯ].

Исходная семантика слова *самоизоляция* опирается на значение префиксоида САМО-, которое в большом академическом словаре определяется как «1. Направленность действия (называемого второй частью слова) на самого себя, например: *самоанализ, самобичевание, самоконтроль, самолюбие* и т. п.» [ССРЛЯ, т. 13, стлб. 79], и на словообразовательное значение самой деривационной модели подчинительного словосложения с этим префиксоидом, которое характеризуется в «Русской грамматике» (1980) как субстантивная номинация действия, направленного на того, кто его производит [Русская грамматика, 1980, с. 242].

С лингвокогнитивной точки зрения мы можем видеть здесь следующую концептуальную схему, или когнитивную модель ситуации, по Г. И. Кустовой [Кустова, 2004], стоящую за данным словом в его первоначальном значении: ‘субъект действия направляет действие по значению глагола *изолировать* на самого себя’ (иными словами, субъект по тем или иным причинам сам себя изолирует от чего-либо / кого-либо) [Радбиль, 2020, с. 763]. Указанная концептуальная схема реализуется в трех типах употребления лексемы *самоизоляция*: индивидуально-личностном, в двух разновидностях — физическое самоограничение на передвижения в пространстве и психологическое самоограничение на общение с людьми, самоотстранение личности от внешнего мира; социально-политическом — установка на проведение политики изоляционизма со стороны государства или другого масштабного социального института (партии, общественного движения, этнической группы и пр.). Важно, что все эти три языковых представления когнитивной модели ситуации ‘самоизоляция’ предполагают наличие обязательной импликации добровольности: субъект действует целенаправленно и сознательно, говоря словами А. Вежицкой [Вежицкая, 1997], «по доброй воле».

«Новое рождение» слова *самоизоляция* в эпоху коронавируса (в образе словообразовательной полукальки с английского *self-isolation*), для которого, по данным сетевого проекта о русском языке «Бюро Марины Королевой», мы даже можем зафиксировать точную дату появления в новостных материалах — 8 марта 2020 года [БМК], на уровне декларируемой сверху семантики вроде бы эту импликацию добровольности сохраняет, судя по его толкованию в том же интернет-источнике: ‘добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’ [Там же].

Однако специфика дискурсивной реализации слова *самоизоляция* обнаруживает определенный конфликт с этой навязываемой сверху семантикой — как раз по линии наличия семы ‘добровольность’. Возникает внутренняя противоречивость в рецепции данного слова в дискурсе, проявляющаяся в возникновении коллокаций — устойчивых и воспроизводимых выражений, в которых идея добровольности элиминируется из естественно-языкового значения слова *самоизоляция*. Это такие коллокации, как *отправить на самоизоляцию* — по модели *отправить на карантин*, так как в норме для первоначального употребления слова характерен предлог *в* (*погрузиться в самоизоляцию*); *режим самоизоляции* — с очевидной коннотацией регламентируемой необходимости его соблюдения и другие выражения, в которых, напротив, актуализуется сема ‘принудительность’. Данная сема в ряде контекстов может даже эксплицироваться: *С сегодняшнего дня режим принудительной самоизоляции начинает работать* [АА]. Сема ‘принудительность’ в разных вариантах представлена и в свободных сочетаниях с лексемой *самоизоляция*: *Вынужденная самоизоляция в очередной раз показала, что практически все можно делать онлайн* [Там же].

Внутренняя противоречивость контекстов типа *принудительная / вынужденная самоизоляция* легко обнаруживается посредством простейшего логического анализа — методом подстановки эксплицированного толкования вместо интересующей нас лексемы: ‘принудительная (вынужденная) добровольная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии’. Таким образом, мы видим, как в речевых практиках современных носителей языка регулярно воспроизводится внутренне противоречивая когнитивная модель ситуации законодательного принуждения граждан к добровольному ограничению своих прав на срок, определяемый опять же не гражданами, по их внутренней потребности, а законодательным образом. С лингвокогнитивной точки зрения эту ситуацию можно трактовать в духе своего рода «языкового сопротивления», когда язык обнаруживает некую неправильность в новой реальности, фиксирует ненормальное, алогичное сложившееся положение дел в мире.

Явления «новой омонимии» можно проиллюстрировать на образовании в неформальной коммуникации слова *корона* как своего рода неофициального варианта лексемы *коронавирус*. Словоупотребление *корона* образуется в результате усечения сложного слова *коронавирус* (которое и само, впрочем, также является неологизмом нашего времени). В речевой практике носителей языка образование *корона*, несомненно, осознается как неологическое, не до конца освоенное на концептуальном уровне, поэтому в большинстве случаев пишется в кавычках (но со строчной буквы

как признак нарицательности): *Новые ограничительные меры: узнаем, где снова свирепствует «корона»* [Там же].

И для практики употребления этого слова также характерно образование устойчивых моделей сочетаемости, своего рода коллокаций — например, *поймать корону*: *И на приём попасть и «корону» не поймать* [Там же]; *Тренер Масвидалья поймал «корону»*. *Бой с Усманом под угрозой* [Там же].

В использовании этого семантического неологизма наше внимание привлекает один любопытный когнитивный эффект. В отличие от официального, грозно звучащего *коронавирус*, его неформальный сокращенный вариант *корона* звучит уже не так грозно, потому что не воспринимается отстраненно, но даже приобретает некоторую «свойскость»: *«Корона» ни-почем. «Партизан» и «Црвена Звезда» в полуфинале Кубка Сербии собрали полные трибуны* [Там же]; *Названа группа людей, которая с рождения защищена от COVID-19. Кому же сегодня не страшна «корона»? [Там же].* Мы видим, что «корона», в силу своей узнаваемости, «знакомости», в меньшей степени воспринимается как непосредственная угроза. Здесь работает когнитивный механизм «магии слова», когда, чтобы отвести беду, люди переименовывают само явление, несущее тревогу, как бы «смягчают» номинацию [Русский язык ..., 2014].

В наших работах [Радбиль и др., 2017 и др.] подобные эффекты, вслед за А. Вежицкой, характеризуются как установка на эмпатию (личностную вовлеченность говорящего в номинацию события) [Вежицкая, 1997] — это важнейшая национально обусловленная черта русского дискурса, которая и в непростых условиях пандемии COVID-19 помогает людям как бы сгладить негативные впечатления от грозящей им опасности, психологически адаптироваться к изменившимся условиям существования.

Явления неузального изменения объема семантики можно продемонстрировать на контекстном, речевом сужении значения слова *вирус*. Подобная модель семантического сужения когда-то, в советскую эпоху, была характерна для употребления, например, слова *партия*, которое означало вовсе не любую партию как нарицательное наименование, а конкретно — КПСС, единственно существующую партию в Советском Союзе. Во многих контекстах точно так же сегодня употребляется слово *вирус* — в значении ‘конкретный вид вируса, коронавирус, COVID-19’. При этом, по законам концептуальной метафоризации мифологического типа, обозначаемое этим словом явление предстает как одушевленное сверхъестественное существо (злой дух): *Вирус не ослабляет «мёртвую хватку»: третья волна свирепствует в Иране* [АА]; *Вирус боится практически всех дезинфекторов — хлорки, спирта, водки, перекиси водорода* [Там же].

С лингвокогнитивной точки зрения подобные смысловые преобразования обычно свидетельствуют о ментальной и ценностной значимости обозначаемого явления для говорящих, его особой когнитивной выделенности в их картине мира. Язык таким употреблением словно утверждает, что есть только один вирус в мире, сегодня заслуживающий внимания и постоянно занимающий мысли его носителей. Такова форма своего рода защитной реакции говорящих по-русски на опасность — точно в таких же целях на трансформаторных будках обычно рисуют что-то вроде черепа с костями, сигнализируя: «Не влезай — убьет!».

4. Собственно лексические и словообразовательные инновации в русском языке новейшего периода

СОБСТВЕННО ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ заключаются в том, что в русскую речь входят иноязычные слова, которые приобретают несвойственные им в языке-источнике свойства — идиоматичность, смысловую многоплановость, специфически русский эмоционально-оценочный фон и под. [Радбиль, 2019]. Примером такой инновации является функционирование неолексемы *ковид*. Рефлексом лексического освоения данной лексемы является ее графическая передача кириллическим шрифтом: *За первую неделю сентября **ковидом** заразилась тысяча школьных учителей, они пренебрегли масками* [АА].

Признаком лексического освоения лексемы является, на наш взгляд, и то, что она активно включается в «игровые» метафорические модели: *У **ковид**а женское лицо? Большая часть заболевших коронавирусом в Челябинской области — женщины* [Там же]; ***Ковид крепчает: в России выявили более семи тысяч зараженных за сутки*** [Там же].

Нетрудно увидеть в этих и многих подобных им случаях языковую игру на основе трансформации фразеологизмов и / или других прецедентных текстов [Лутовинова, 2015], имеющих хождение в современных речевых практиках носителей русского языка. Участие лексемы *ковид*, обозначающей в общем не такое уж подходящее для веселья явление, в игровых моделях использования языка также, на наш взгляд, свидетельствует о реализации в подобных словоупотреблениях функции психологической адаптации.

Лексико-словообразовательные инновации тесно связаны с рассмотренными выше собственно лексическими инновациями, поскольку основаны на одном и том же языковом материале. Речь идет о вхождении неолексем заимствованного происхождения в модели образования слов, присущие русской словообразовательной системе, о создании новых слов с использованием разнообразных механизмов узуальной и окказиональной деривации.

Так, слово *ковид* включается в модели адъективного словообразования, в результате чего образуется неогериват *ковидный*: *Ковидный день календаря: вирусологи прогнозируют пик заболеваемости 7 ноября* [АА]. Характерно, что и упомянутая выше лексема *коронавирус* имеет одно-модельные с лексемой *ковид* дериваты: *Несмотря на «коронавирусные» ограничения, фестиваль продолжается* [Там же].

Прилагательные на базе лексем *ковид* и *коронавирус* сочетаются с исконными и заимствованными префиксами с семантикой отрицания (*анти-, не-, против-*) и с временной семантикой (*до-, пост-*): *нарушение антиковидных мер* [Там же]; *Динамика по «нековидным» заболеваниям в Нижегородской области и Удмуртии осталась на среднестатистическом уровне* [Там же]; *Ковидные госпитали переходят к доковидной жизни* [Там же]; *Поведением управляют накопленные в самоизоляции страх и тревога, снижение доверия к людям и миру, обдуманное ослабление близких и дальних связей, ставшее жестом постковидной культуры ...* [Там же]; *... в шахматном, антикоронавирусном порядке; Как сейчас лечат тех, кто «некоронавирусный»* [Там же]; *Британцы разработали «противокоронавирусный» спрей для носа* [Там же]; *Возвращение туризма на докоронавирусный уровень в планах пока не значитсся; В посткоронавирусном мире все будет по-другому* [Там же].

Слово *ковид* также включается и в модели префиксального образования с размерно-оценочными приставками (исконными и заимствованными): *Ну да, инопланетное происхождение сверхковида еще не рассматривали* [Там же]; *Объявится суперковид 2020, который сделает богатыми еще несколько человек в мире* [Там же]; *Куда катимся? Люди! В кого нас превращают! Один ковид у нас, недоковид. Здоровья маме и малышу* [Там же].

Аналогичные модели префиксального образования представлены и в неогериватах на базе лексемы *коронавирус*: *В таких условиях вполне реально угроза гибели нашей планеты со всей обитающей на ней жизнью, кроме каких-нибудь сине-зеленых водорослей и бактерий, от оружия массового поражения — будь то ядерное оружие или какой-нибудь суперкоронавирус — или от глобальной техногенной катастрофы* [Там же]; *«Оковы» Роспотребнадзора и бессилие депздрава: как по Смоленской области гуляет «недокоронавирус»* [Там же].

Одним из ярких признаков культурной апроприации заимствований на словообразовательном уровне в нашей концепции является возможность использовать модели диминутивного образования на базе заимствованных корней — *ковидик, коронавирустик*: *И ковидик по степени патогенности очень слабенький. Он показал, насколько мы не готовы к той болезни психического, тотального помешательства, которое крошит экономику,*

психологию, (вызывает) другие болезни ... [Там же]; Об этом неоднократно и давно говорится, что **ковидик** скоро покажется детской болезнью [Там же]; В прямом эфире он предупредил: если такой «слабенький, хиленький **коронавирусик**» смог обставить Собянина, то что будет, если придёт действительно грозная опасность? [Там же].

Образование подобных диминутивов опять же является свидетельством национально-специфичной русской когнитивной модели эмпатии, при которой говорящий становится эмоционально вовлеченным в ситуацию номинации, выражает исполненное добрых чувств отношение к объекту номинации и к ситуации в целом («выражение хороших чувств», согласно формулировке А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997]). **Ковидик, коронавирусик** — это то, что вошло в мир говорящего, это уже что-то родное и близкое, присвоенное им, но уж никак не чужеродное, отстраненно-страшное и угрожающее.

Активно слово *ковид* и в разнообразных моделях осново- и словосложения: Психологи рассказали о «**ковидофобии**» москвичек среднего возраста <...> в первую очередь это боязнь выйти на улицу и заразиться. Данный феномен можно назвать «**ковидофобией**» [АА]; **Ковидошок**. С мест приходят одинаковые сообщения: повсюду переполнены больницы, не хватает врачей и средств для лечения коронавирусных пациентов [Там же].

В последнее время под влиянием тенденции к интернационализации в деривационных процессах современного русского языка активизировалась модель образования сложных слов по агглютинативному типу: Я не был **ковид-диссидентом**, которые отрицают реальность эпидемии [Там же]; Слышала, **ковид-пациентов** лечат даже препаратами для ВИЧ-инфицированных [Там же]; сорвать маски с **ковид-скептиков** [Там же]; И, конечно, никто не хочет повторения и продолжения **ковид-триллера** [Там же]; **ковид-сепаратизм** немецкого премьера [Там же]; **Ковид-сопротивление** баров Петербурга ставит Беглова в неловкое положение [Там же]; На стройплощадке «быстровозводимого» **ковид-госпиталя** в Иванове появился первый каркас [Там же].

Часто модели словосложения используются в целях языковой игры для создания экспрессии и выражения адогерентной оценочности: Маразм крепчает: в Красноярске **ковид-диссиденты** и антимасочники устроили митинг [Там же]. Кстати, неодеватив *корона* также активно включается в деривационные процессы по указанной модели: **Коронаполис**. Страховые компании готовы финансировать лечение от 2019-nCov [Там же]; Вирус как оружие. Кто инициировал **коронаистерию** [Там же]; «**Коронакризис**» оказался сложнейшим экзаменом не только для системы здравоохране-

ния, но и для властных систем [Там же]; Президент Белоруссии Александр Лукашенко заявил, что отложил традиционное послание парламенту и народу из-за «**коронапсихоза**» [Там же]; **корона-свидания** на карантинорасстоянии [Там же]; Это ответ так называемым **коронаскептикам**, которые утверждают, что вирус не так опасен [Там же]; Новый альбом певицы признали лучшей **корона-терапией** [Там же]; Учиться не надо: коронавирус же! А потом у нас будет **коронапоколение** [Там же]; Наш центр и сейчас — **коронагоспиталь** [Там же].

При этом неодериваты могут быть созданы и с нарушением стандартных словообразовательных моделей, по механизмам аналогического словообразования или с использованием иных способов окказиональной деривации. Так, путем заменительной деривации на базе исходного слова *мракобесие*, в котором заменяется первая часть *мрак(о)-*, созданы окказиональные дериваты *ковидобесие* и *коронабесие*: **Ковидобесие** в РФ стало страшнее любой инфекции [Там же]; **Коронабесие** в этом отношении — идеальный инструмент. Оптимизаторы медицины, превратившие ее почти в здравоохранение, кричат о почти ста несчастных погибших, о десяти тысячах даже не заболевших, а получивших положительный тест [Там же]. В свою очередь данные окказиональные слова могут быть источником для других неодериватов: **Ковидобесие**. Неутрачивающее **ковидобесное** безумие вынудило меня наконец-то написать подробный разбор происходящего [Там же].

5. Заключение

В целом проанализированный материал показал, что русский язык успешно справляется с вызовами, брошенными ему со стороны изменившейся реальности эпохи коронавируса. Язык, как своего рода выразитель соборного сознания говорящих на нем людей, не просто фиксирует новые реалии и новые смыслы, он подсказывает своим носителям путь в их интерпретации, то есть решает эвристические и прогностические задачи по осмыслению новых условий человеческого существования, обнаруживая при этом значительный креативный и экспрессивный потенциал.

Лексико-семантические, собственно лексические и лексико-словообразовательные инновации в каком-то смысле помогают носителям языка справиться с когнитивным диссонансом, пережить трудные обстоятельства, отражая, как в зеркале, все наши страхи и чаяния, боли и радости. Поэтому, поняв, что и почему сегодня происходит в языке, мы поймем многое и в себе — что и почему происходит с нами. И, может быть, благодаря этому, нам станет чуть легче жить в таком непростом сегодняшнем мире, где правит коронавирус.

Источники и принятые сокращения

1. АА — Архив автора (по материалам средств массовой информации).
2. БМК — *Бюро Марины Королевой* : сетевой проект о русском языке [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.facebook.com/marinakoroleva.org> (дата обращения 23.09.2020).
3. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 23.09.2020).
4. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1950—1965. — Т. 13. — 1962. — 757 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; перевод с английского ; ответственный редактор и составитель М. А. Кронгауз. — Москва : Русские словари, 1997. — 416 с.
2. *Данкова Н. С.* Репрезентация пандемии в СМИ : метафорический образ войны (на материале американских газет) / Н. С. Данкова, Е. В. Крехтунова // Научный диалог. — 2020. — № 1 (8). — С. 69—83. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83.
3. *Зайцева И. П.* «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. / И. П. Зайцева // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 801—813. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813.
4. *Иссерс О. С.* Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 243—256. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.
5. *Карташова Е. П.* Прецедентные феномены как стилистический прием создания экспрессии в интернет-коммуникации / Е. П. Карташова, А. А. Иерусалимская // Филология и культура. — 2015. — № 2 (40). — С. 53—57.
6. *Киреева Е. З.* Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019) / Е. З. Киреева // Научный диалог. — 2020. — № 1 (8). — С. 108—122. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-7-108-122.
7. *Коряковцева Е. И.* Интернационализация, демократизация и «медиазация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) / Е. И. Коряковцева // *Globalizacja a języki słowiańskie (Globalization and Slavic languages)* / Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. — Siedlce : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. — S. 33—47.
8. *Кронгауз М. А.* Screenlife в эпоху карантина / М. А. Кронгауз // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 735—744. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
9. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 472 с.
10. *Лассан Э.* Страх как мотив и мотиватор электронной коммуникации (на материале интернет-текстов 2020) / Э. Лассан, Л. Кравцова // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 745—758. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).745-758.

11. *Лутовинова О. В.* Языковая игра в интернет-коммуникации / О. В. Лутовинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (97). — С. 104—111.
12. *Мюллер А.* Об отражении пандемии в разнотрутурных лингвистических ландшафтах (на примере элементов публичного пространства Минска, Нюрнберга и Варшавы) / А. Мюллер // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 846—864. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).846-864.
13. *Негрышев А. А.* Псевдосенсация в Интернете : опыт лингвистического описания / А. А. Негрышев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 43—53. — DOI : 10.15688/jvolsu2.2020.2.4.
14. *Николина Н. А.* Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская, В. Г. Фатхутдинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 5—19. — DOI : 10.15688/jvolsu2.2020.2.1.
15. *Палоши И. В.* Семантика диминутивности в сфере глаголов / И. В. Палоши // Национальные коды в языке и культуре. Язык и культура : сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и культуре». — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. — С. 214—223.
16. *Радбиль Т. Б.* Когнитивная интерпретация лексико-словообразовательных инноваций в Рунете / Т. Б. Радбиль // Когнитивные исследования языка. — 2019. — Выпуск XXXVI : Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. — С. 320—326.
17. *Радбиль Т. Б.* «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт : когнитивно-дискурсивный аспект / Т. Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 759—774. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
18. *Радбиль Т. Б.* Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке : лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33—39.
19. *Радбиль Т. Б.* Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Вопросы лексикографии. — 2019. — № 15. — С. 36—59. — DOI : 10.17223/22274200/15/3.
20. *Радбиль Т. Б.* Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 127—142. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.
21. *Русская грамматика* : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
22. *Русский язык начала XXI века : лексика, словообразование, грамматика, текст* : коллективная монография / под редакцией Л. В. Рацибурской. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. — 325 с.
23. *Савченко А. В.* «Коронавирусные неологизмы» : от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) / А. В. Савченко, Лай Янь-Цзюнь // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 865—886. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886.
24. *Северская О. И.* Ковидиоты на карантинках : коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская // Коммуника-

тивные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 887—906. — DOI : 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.

25. Шмелев А. Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи / А. Д. Шмелев // Вопросы культуры речи / ответственный редактор А. Д. Шмелев. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. — Выпуск 10. — С. 82—94.

26. Bloor M. The Practice of Critical Discourse Analysis : An Introduction / M. Bloor, Th. Bloor. — London : Hodder Arnold, 2007. — 207 p.

27. Fairclough N. Language and Globalization / N. Fairclough. — London, New York : Routledge, 2006. — 188 p.

ACTIVE PROCESSES IN THE VOCABULARY AND WORD FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE ERA OF CORONAVIRUS: LINGUO-COGNITIVE ASPECT¹

© **Timur B. Radbil (2021)**, orcid.org/0000-0002-7516-6705, WoS ResearcherID AAO-6983-2020, Scopus AuthorID 57210390493, РИНЦ AuthorID 417850, SPIN 2835-0370, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), timur@radbil.ru.

© **Larisa V. Ratsiburskaya (2021)**, orcid.org/0000-0002-9332-050X, WoS ResearcherID Q-3621-2019, Scopus AuthorID: 57204359476, РИНЦ AuthorID 179701, SPIN 7032-5608, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), racib@yandex.ru.

© **Ildiko V. Paloshi (2021)**, orcid.org/0000-0002-8943-8695, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Faculty of History and Philology, Eotvos Lorand University (Budapest, Hungary), palosiildiko@gmail.com.

Semantic, lexical and derivational features of the emergence and spread of new phenomena in the speech practice of Russian speakers of the latest period associated with the COVID-19 pandemic are investigated. A linguo-cognitive interpretation of active processes in Russian vocabulary and Russian word formation of the era of coronavirus as formats of knowledge about the changed reality and the new conditions of communication associated with these changes is given. The methods of linguo-cognitive description of the "language of culture" and the method of analyzing active processes at different levels of the language system and methods of its speech implementation are used. The research materials are a dynamic and actively developing Russian-language segment of Internet communication and text data of the Russian National Corpus. Special attention is paid to three groups of new phenomena in the vocabulary of the Russian language associated with the mental and cultural development of the "coronavirus" conceptual space by native speakers: lexical-semantic, lexical and lexical-word-formation innovations. It is shown that active processes of the semantic type find their expression in the phenomena of "new polysemy" and "new homonymy", as well as non-usual semantic narrowing.

1 The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 "Active processes in Modern Russian and their research in Russian and Hungarian linguistics".

It is concluded that new words and expressions not only capture the emergence of new realities of life with coronavirus, but also contribute to the understanding of the changed social reality.

Key words: active processes; lexical and semantic innovation; neolexemes; non-derivative; linguo-cognitive analysis; Russian in the era of COVID-19.

MATERIAL RESOURCES

- AA — *Arkhiv avtora (po materialam sredstv massovoy informatsii)* [Archive of the author (based on the materials of the mass media)]. (In Russ.).
- BMK — *Byuro Mariny Korolevoy: setevoy proekt o russkom yazyke* [Marina Koroleva's Bureau: a network project about the Russian language]. Available at: <https://www.facebook.com/marinakoroleva.org> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).
- SSRLYa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols.], 13. (1962). Moskva; Leningrad: Izd. AN SSSR. 757 p.

REFERENCES

- Bloor, M., Bloor, Th. (2007). *The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction*. London: Hodder Arnold. 207 p.
- Dankova, N. S., Krekhtunova, E. V. (2020). Reprezentatsiya pandemii v SMI: metaforicheskiy obraz voyny (na materiale amerikanskikh gazet) [Representation of the pandemic in the media: a metaphorical image of war (based on the material of American Newspapers)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 1 (8): 69—83. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-69-83. (In Russ.).
- Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization*. London, New York: Routledge. 188 p.
- Issers, O. S. (2020). Boleye poluveka pod zontikom kommunikativnykh strategiy [More than half a century under the umbrella of communicative strategies]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (2): 243—256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256. (In Russ.).
- Kartashova, E. P., Iyerusalimskaya, A. A. (2015). *Pretsedentnyye fenomeny kak stilisticheskiy priyem sozdaniya ekspressii v internet-kommunikatsii* [Precedent phenomena as a stylistic method of creating expression in Internet communication]. *Filologiya i kultura* [Philology and culture], 2 (40): 53—57. (In Russ.).
- Kireyeva, E. Z. (2020). Faktor adresata v tekste ofitsialnogo dokumenta (na materiale ukazov gubernatora Tulskey oblasti, izdannykh v svyazi s rasprostraneniym Covid-2019) [A Factor of an addressee in the text of the official document (based on the decrees of the Governor of the Tula region issued in connection with the distribution Covid-2019)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 1 (8): 108—122. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-108-122 (In Russ.).
- Koryakovtseva, E. I. (2018). Internatsionalizatsiya, demokratizatsiya i «mediatizatsiya» slavyanskikh yazykov v usloviyakh globalizatsii (slovoobrazovatelnyy aspekt) [Internationalization, democratization and “mediatization” of Slavic languages in the context of globalization (word-forming aspect)]. In: *Globalizacja a języki słowiańskie (Globalization and Slavic languages)* / Uniwersytet Przyrodniczo-

- Humanistyczny w Siedlcach. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. 33—47. (In Russ.).
- Krongauz, M. A. (2020). Screenlife v epokhu karantina [Screenlife in the era of quarantine]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 735—744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2004). *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and mechanisms of language extension]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 472 p. (In Russ.).
- Lassan, E., Kravtsova, L. (2020). Strakh kak motiv i motivator elektronnoy kommunikatsii (na materiale internet-tekstov 2020) [Fear as a motive and motivator of electronic communication (based on the material of Internet texts 2020)]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 745—758. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).745-758. (In Russ.).
- Lutovinova, O. V. (2015). Yazykovaya igra v internet-kommunikatsii [Language game in Internet communication]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta], 2 (97): 104—111. (In Russ.).
- Myuller, A. (2020). Ob otrazhenii pandemii v raznokulturnykh lingvisticheskikh landshaftakh (na primere elementov publichnogo prostranstva Minska, Nyurnberga i Varshavy) [On the reflection of the pandemic in multicultural linguistic landscapes (on the example of elements of the public space of Minsk, Nuremberg and Warsaw)]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 846—864. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).846-864. (In Russ.).
- Negryshev, A. A. (2020). Psevodosensatsiya v Internetе: opyt lingvisticheskogo opisaniya [Pseudosensation on the Internet: experience of linguistic description]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniye* [Bulletin of the Volgograd state University. Series 2, Linguistics], 19 (2): 43—53. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.4. (In Russ.).
- Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V., Fatkhutdinova, V. G. (2020). Novyye yavleniya v sfere derivatsionnykh formantov kak otrazheniye dinamiki slovoobrazovatelnoy sistemy russkogo yazyka [New phenomena in the sphere of derivational formants as a reflection of the dynamics of the word-formation system of the Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniye* [Bulletin of the Volgograd state University. Series 2, Linguistics], 19 (2): 5—19. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.1. (In Russ.).
- Paloshi, I. V. (2018). Semantika diminutivnosti v sfere glagolov [Semantics of diminutivity in the sphere of verbs]. In: *Natsionalnyye kody v yazyke i kulture. Yazyk i kultura: Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Natsionalnyye kody v yazyke i kulture»* [National codes in language and culture. Language and culture: a Collection of articles based on the materials of the International scientific conference “National codes in language and culture”]. Nizhniy Novgorod: DEKOM. 214—223. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2019). Kognitivnaya interpretatsiya leksiko-slovoobrazovatelnykh innovatsiy v Runete [Cognitive interpretation of lexical and word-forming innovations in Ru-net]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], XXXVI. Ponimaniye. Interpretatsiya. Kognitivnoye modelirovaniye. 320—326. (In Russ.).

- Radbil, T. B. (2020). «Samoizolyatsiya» kak noveyshiyy russkiy kulturnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Self-Isolation” as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 759—774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V. (2017). Slovoobrazovatelnyye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokulturologicheskiy aspekt [Word-Forming innovations based on borrowed elements in the modern Russian language: linguoculturological aspect]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2: 33—39. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Saygin, V. V. (2019). Kontsept «grekh» v kontekste leksikograficheskogo opisaniya klyuchevykh kontseptov russkoy kultury [Concept “sin” in the context of lexicographic description of key concepts of Russian culture]. *Voprosy leksikografii* [Questions of lexicography], 15: 36—59. DOI: 10.17223/22274200/15/3. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2019). Khudozhestvennoye voploshcheniye russkogo natsionalno-kulturnogo kontsepta REKA v tvorchestve M. Yu. Lermontova [Artistic expression of Russian national-cultural concept RIVER in the works of M. Y. Lermontov]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2: 127—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).
- Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovaniye, grammatika, tekst: kollektivnaya monografiya [Russian language of the beginning of the XXI century: vocabulary, word formation, grammar, text: collective monograph]. (2014). Nizhnyy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. 325 p. (In Russ.).
- Savchenko, A. V., Lai Yan-Jun. (2020). «Koronavirusnyye neologizmy»: ot leksiki i frazeologii k internet-memam (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [“Coronavirus neologisms”: from lexicon and phraseology to Internet memes (based on the material of Russian and Chinese languages)]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 865—886. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886. (In Russ.).
- Severskaya, O. I. (2020). Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyy slovar' kak diagnosticheskoye pole aktualnykh diskursivnykh praktik [Covidioties on quarantines: coronavirus dictionary as a diagnostic field of actual discursive practices]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 887—906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2011). Evolyutsiya russkoy yazykovoy kartiny mira v aspekte kultury rechi [Evolution of the Russian language picture of the world in the aspect of speech culture]. *Voprosy kultury rechi* [Questions of speech culture], 10: Moskva: AST-PRESS KNIGA. 82—94. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar], 2 (1). (1980). Moskva: Nauka. 783 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moskva: Russkiye slovari. 416 p. (In Russ.).
- Zaytseva, I. P. (2020). «Koronapsikhoz», «koronaskeptiki», «covidism», «covidophobiya» i drugiye sotsiolingvisticheskiye markery 2020 g. [“Coronapsychosis”, “coronasceptics”, “covidism”, “covidophobiya” and other sociolinguistic markers of 2020]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative research], 7 (4): 801—813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813. (In Russ.).